

Хотя Е Шижуй первым посмотрел на него, но, встретившись с его взглядом, словно укололся и поспешно опустил глаза, спрятавшись за спинкой дивана, чтобы избежать взгляда Сюй Шиси.

Сюй Шиси беззвучно усмехнулся. Что толку в сходстве с Е Цзинцюанем, если у него такой кошачий характер? Е Цзинцюань вряд ли будет доволен.

— Господин, отдохни немного, я пойду сообщу господину Е, что ты вернулся, — сказал управляющий.

— Не надо, — Сюй Шиси, хорошо знавший дорогу, направился в кабинет наверху. — Он знает, что я здесь.

Кабинет Е Цзинцюаня находился на третьем этаже. Сюй Шиси даже не постучал, а просто открыл дверь и вошёл.

Человек, разговаривавший у окна, услышав звук, обернулся, нахмурился и подошёл к столу, сев за него. Он быстро закончил разговор по телефону и, положив трубку, резко сказал:

— Кто тебя научил такому бесцеремонному поведению!

Сюй Шиси сел напротив него, скрестив руки на груди, и с холодной усмешкой ответил:

— А ты, который следит за мной, ведёшь себя куда более вежливо.

— Ты ещё и споришь?! — Е Цзинцюань закричал, его усы тряслись от гнева. — Целыми днями ты занимаешься ерундой, увлекаешься этой музыкой, годами не появляешься дома! У других сыновей всё идёт своим чередом, они помогают в семейном бизнесе, а ты... ты пошёл в певцы! Как мне теперь смотреть людям в глаза!

Сюй Шиси уже слышал это множество раз и был к этому равнодушен. Он холодно смотрел на Е Цзинцюаня:

— Ты вызвал меня, чтобы сказать это?

Е Цзинцюань вдруг вспомнил, зачем он вообще вызвал Сюй Шиси, и с трудом сдержал гнев. Он бросил на стол папку с документами и тоном, не терпящим возражений, сказал:

— Познакомься с этим человеком.

Он говорил так, будто отдавал приказ подчинённому, а не разговаривал с сыном.

Сюй Шиси открыл папку и, увидев фотографию Сун Жана, на мгновение замер. Он лишь мельком взглянул на неё, затем закрыл папку и отодвинул её обратно:

— Е Цзинцюань, что ты задумал?

Услышав, как Сюй Шиси называет его по имени, Е Цзинцюань снова готов был взорваться, но, заметив документы на столе, сдержался. Однако в его голосе всё же прозвучало презрение:

— Честно говоря, я никогда не одобрял твоего увлечения шоу-бизнесом, но, похоже, ты наконец сделал что-то полезное.

— Сун Жан, младший сын корпорации «Сун», любимец семьи. Не только Сун Чжэнсинь и его жена, но даже Сун Цянь, который уже давно обособился, очень любит этого брата и готов дать ему всё, что он пожелает. — Он постучал по обложке папки. — Сейчас он тоже в шоу-бизнесе, и, что важно, он твой фанат. Ты не в деловых кругах, поэтому не знаком с семьёй Сун, но теперь, когда возможность сама идёт к нам, ты должен сделать всё, чтобы заполучить этого Сун Жана.

Сюй Шиси холодно смотрел на него.

Он всегда знал, что Е Цзинцюань — человек, для которого на первом месте стоит выгода, но он всё же недооценил его. Чтобы достичь своих целей, он готов использовать даже собственного сына как инструмент.

Сейчас положение Е Цзинцюаня в деловых кругах довольно высокое, но по сравнению с семьёй Сун, имеющей связи в высших эшелонах власти, он всё же не дотягивает. Если бы он смог через Сун Жана установить отношения с семьёй Сун, его положение в бизнесе стало бы несравнимо выше.

Его амбиции были написаны на лице, и это вызывало у Сюй Шиси отвращение. Он даже поверил, что если бы Е Шижуй мог помочь ему, Е Цзинцюань, не моргнув глазом, продал бы своего младшего двенадцатилетнего сына.

Впервые за долгое время он почувствовал жалость к этому брату, который прятался от него внизу.

Сюй Шиси изо всех сил сдерживался, чтобы не швырнуть папку с документами в лицо Е Цзинцюаню. Его голос был ледяным:

— Е Цзинцюань, ты действительно мастер своего дела!

С этими словами он встал, не удостоив его даже взглядом, и направился к двери.

— Стой! — Е Цзинцюань громко хлопнул по столу. — Е Шиси!

Сюй Шиси, державший руку на ручке двери, остановился и обернулся. Его взгляд был острым, как нож, и Е Цзинцюань на мгновение замер.

Сюй Шиси сказал:

— Если ты забыл, напомню: теперь я ношу фамилию Сюй.

Е Цзинцюань на пару секунд опешил, его лицо покраснело, а на шее выступили вены:

— Какое отношение ты ко мне имеешь! Ты мой сын, независимо от того, какую фамилию носишь! Ты...

— Что я? — Сюй Шиси сделал два шага к Е Цзинцюаню. Ему было двадцать пять, и он был выше и крепче, чем почти шестидесятилетний Е Цзинцюань.

Смотря на этого человека, он больше не смотрел на него снизу вверх, как в детстве. Тогда его отец казался ему высоким и могущественным, но теперь он уже не был тем ребёнком, который не мог противостоять.

— Е Цзинцюань, чтобы быть твоим сыном, ты должен сначала быть отцом. — Он одной рукой опёрся на стол, а другой схватил Е Цзинцюаня за воротник, пристально глядя ему в глаза. — Какой отец использует и манипулирует своим сыном?

— Я не бью тебя не потому, что ты мой отец, а потому что ты этого не заслуживаешь! — Он резко ударил по столу. — Семь лет назад я порвал с тобой все отношения. Если тебе нужен кто-то, чтобы укрепить твоё положение в бизнесе, ищи кого-то другого. Если ты доведешь меня до предела, нам обоим будет плохо!

Е Цзинцюань сказал:

— Е Шиси, не думай, что теперь, когда ты вырос, я ничего не могу с тобой сделать. Шоу-бизнес контролируется капиталом. Я смог поднять тебя, и я смогу тебя опустить!

В его словах явно звучала угроза, но Сюй Шиси лишь поднял бровь:

— Попробуй. Если я испугаюсь, то признаю поражение!

Он усмехнулся, отпустил Е Цзинцюаня и вышел из кабинета.

Управляющий с беспокойством ждал за дверью, и, увидев Сюй Шиси, понял, что их разговор прошёл не лучшим образом. Каждый раз, когда эти двое встречались, всё заканчивалось ссорой.

— Сиси, почему бы вам с господином Е не сесть и не обсудить всё спокойно? Между отцом и сыном не должно быть вражды. Не ссорьтесь каждый раз, когда встречаетесь. Господин Е уже в возрасте, его здоровье не позволяет ему нервничать, — управляющий спустился за ним, продолжая уговаривать.

Сюй Шиси не обращал на него внимания и шёл прямо к выходу.

Он был высоким, и его шаги были длинными, управляющему приходилось бежать, чтобы поспеть за ним:

— На кухне приготовили много твоих любимых блюд, останься поесть перед тем, как уйти.

Когда Сюй Шиси уже почти вышел из дома, управляющий тихо вздохнул, собираясь снова попробовать его уговорить, но вдруг тот остановился.

Управляющий обрадовался:

— Вот и правильно! Я сейчас скажу на кухне, чтобы подавали еду. Давайте поедим!

— Дядя Ли, — остановил его Сюй Шиси, — не беспокойся, я не останусь.

Ему было тошно даже находиться в одном пространстве с Е Цзинцюанем, и мысль о том, чтобы остаться на обед, была для него неприемлема.

Игнорируя разочарование на лице управляющего, он повернулся к гостиной. Е Шижуй сидел на диване, держа спину прямо, и читал книгу на английском.

Сюй Шиси подошёл к нему, и тот явно напрягся.

— Ты держишь книгу вверх ногами, — напомнил Сюй Шиси.

Е Шижуй поспешно перевернул книгу и робко посмотрел на Сюй Шиси.

Когда Е Шижуй родился, конфликт между Сюй Шиси и Е Цзинцюанем уже достиг точки невозврата. Сюй Шиси старался не появляться дома, и его воспоминания об этом брате были смутными.

Но его характер напоминал характер мачехи, с которой он виделся лишь несколько раз.

Когда он иногда приезжал домой во время учёбы, молодая мачеха смотрела на него с таким же выражением, спрашивая, как у него дела в школе, боясь сказать что-то не то и вызвать его недовольство.

Однако внешность Е Шижую была слишком похожа на Е Цзинцюаня, и это выражение лица на нём выглядело неестественно.

Обычно, когда он приезжал, мачеха первая выходила его встречать, но сегодня её не было.

Сюй Шиси спросил:

— Где твоя мама?

Е Шижуй ответил:

— Она умерла.

Услышав это, Сюй Шиси на мгновение замер, подумав, не проклятие ли это на Е Цзинцюане, раз он пережил двух жён.

— У тебя есть телефон? — Сюй Шиси протянул руку.

Е Шижуй не понял, зачем это нужно, но послушно передал ему телефон, лежавший на журнальном столике.

Сюй Шиси набрал номер и позвонил. Его собственный телефон завибрировал в кармане.

Он вернул телефон Е Шижую:

— Это мой номер. Если что-то понадобится, звони.

Е Шижуй молча взял телефон.

Сюй Шиси больше ничего не сказал и, несмотря на уговоры управляющего, вышел из дома.

Вернувшись домой, Сюй Шиси сначала принял душ, затем взял гитару и сел на ковёр перед диваном.

Ему нужно было закончить песню для И Линя.

Но через два часа он так ничего и не написал.

Сюй Шиси достал из-под столика пачку сигарет, закурил и, согнув одну ногу, облокотился на колено, глядя на отражающую поверхность столика.

После встречи с Е Цзинцюанем он был крайне раздражён, и в таком состоянии написать песню было невозможно.